
В ТУМАНАХ НАД ТЕРЕКОМ

1

После широких Донских и Сальских степей, с их просторами и дальними горизонтами, полк перелетел в заросшую кустарником долину Терека, к отрогам Кавказских гор.

Расположились в большой казачьей станице, утопавшей в зелени фруктовых садов. Воздух был напоен запахами яблок, груш, слив. Самолеты, укрытые в тени деревьев, тоже казались какими-то причудливыми плодами. Аэродромом стала треугольная площадка, обрамленная арыками. Днем здесь паслись коровы, козы. А когда смеркалось, на площадке появлялись самолеты. Их выруливали по дощатым мосткам, перекинутым через арыки. Вначале это представлялось рискованным и затруднительным, но девушки быстро научились успешно совершать этот, как они шутили, «акробатически-стратегический маневр».

За живописность станицы и обилие в ней фруктов, за сердечность ее жителей, заботившихся о девушках-авиаторах, как о своих детях, в полку называли ее «блаженство рая».

Но у этого «рая» была и другая сторона — чрезвычайная сложность и трудность боевых полетов.

Линия фронта пересекала Сунженский и Терский горные хребты, покрытые снегом. В ущельях гор свирепствовали ветры, то влажные, то пронизывающие. Погода была изменчива: вылетаешь — небо ясное, голубое, а возвращаешься в густом тумане. И горы и долины часто скрывались в белесой мгле, и тогда нельзя было понять, откуда доносятся орудийные залпы, где дробно постукивают пулеметы.

Выполняя приказ Родины — «Ни шагу назад!», наши воины насмерть встали на своих рубежах, нанося врагу все более мощные удары.

Встретив сокрушительный отпор и почувствовав возросшую силу сопротивления Советской Армии, гитлеровцы создали здесь сильно укрепленную оборонительную линию: Моздок — Ищерская — Прохладная — Дигора — Ардон — Эльхотово.

Вся эта линия была насыщена зенитной артиллерией, прожекторами, авиацией. Фашистские истребители с ревом и свистом носились над долинами. Особенно тщательно были укреплены переправы через Терек, Ардон и другие горные реки.

В предгорьях Кавказа разыгрались ожесточенные бои, и советская авиация играла в них огромную роль. Задача ее состояла в том, чтобы непрерывными ночными налетами, бомбовыми ударами не давать противнику продвигать подкрепления к переправам, уничтожать его переправы и мосты, громить склады с боеприпасами и горючим, изматывать войска неприятеля и таким образом поддерживать наши наземные части.

Это и делали на своем участке девушки-авиаторы, те простые и милые советские девушки, в руках которых маленький «По-2» стал грозным боевым оружием. Выражая чувства своих боевых подруг, Наташа Меклин писала осенью 1942 года:

...Все тихо, все покрыто мглой.
Но вслушайся — жужжанье раздается.
То прежде мирные машины реутся в бой,
И сердце в их груди стучит и бьется!
Ночь. Тьма. Лишь яркий свет ракет
Порой то вспыхнет, то погаснет...
Мы завоюем радость, солнце, свет!
Мы вырвем у врага утраченное счастье!

С утра появились облака. Легкие и пухлые, они постепенно окутали все небо и к вечеру низко нависли над аэродромом, прикрыв его, словно перевернутая чаша.

Враг решил воспользоваться неблагоприятной для авиации погодой, чтобы перебросить свои войска через Терек на одном из участков фронта. Но легкие «По-2», несмотря на непогоду, полетели в бой. Уничтожить вражескую переправу — таков был приказ.

Когда самолет Амосовой—Розановой поднялся над облаками, уже взошла луна. Вокруг было так светло, что у штурмана Лоры Розановой мелькнула мысль: «Хоть иголки собирай...» А внизу, под крыльями самолета, тянулась сплошная, бесконечная пелена туч.

Вскоре по расчету времени экипаж оказался над целью. Но напрасно пилот Амосова искала хотя бы малейшего просвета в облаках — они были непроницаемы.

«Подождем!» — решили девушки. Самолет стал кружиться над крышей из туч. Неподалеку кружились еще две машины, увидев очертания которых девушки подумали: «Наши...»

Гул моторов донесся до врага и вывел его из равновесия. Фашисты включили прожекторы, заухали зенитки. Вспышки снарядов, лучи прожекторов, грозившие гибелью девушкам, сейчас обрадовали их: они помогли ориентироваться, точно определить цель.

Бомбы полетели на переправу...

Когда самолеты вернулись к аэродрому, им снова преградил путь облачный покров. Решили садиться вслепую.

Потом оказалось, что на аэродроме непрерывно пускали в воздух ракеты, включили посадочный прожектор, все время вращался приводной маяк. Но все это меркло в тумане, а затем и в снежных хлопьях вдруг нагрянувшей метели.

Но самолеты, пробившись сквозь облака, благополучно совершили посадку. А утром наземные войска сообщали, что переправа войск противника на этом участке сорвалась, мост уничтожен, гитлеровцы понесли тяжкий урон.

В следующую ночь предстояло нанести удар по другой переправе, у которой было замечено большое скопление фашистских войск.

Экипаж Поповой—Рябовой, приближаясь к этой цели, попал в сплошную облачность. Ночь была темной, ветреной, и это чрезвычайно затрудняло поиски «окна» или хотя бы «форточки» в тучах. Долго летали девушки и, ничего не добившись, решили вернуться.

Когда, совершив посадку, они доложили обо всем этом командиру полка, Бершанская сказала Поповой лишь одно:

— Такой летчик — и ни с чем!

Она знала, что разрушение этой переправы крайне важно, что нельзя позволить противнику накопить силы на противоположном берегу Терека.

— Разрешите вылететь? — ответила Попова, вытянувшись в струнку и чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Летите.

Сильный ветер бросал самолет из стороны в сторону, словно щепку. Девушки продолжали упрямо пробиваться вперед, до боли в глазах напряженно вглядываясь вниз. А когда вышли из толщи облаков, цели не было видно.

Комсорг полка
Александра Хорошилова

Снова нырнули в тучи, чтобы найти другой просвет. И вдруг тучи расступились: светила луна, мерцали звезды и только внизу расстился бело-снежный облачный ковер. Самолет мчался к цели, и там, где она должна была быть, в облачном ковре оказался просвет. Вот черная полоса реки, вот мост, он шевелится — нет, неподвижен, это движутся по нему войска.

Засверкали в воздухе вспышки разрывов, заметались лучи прожекторов. Поздно, напрасно!..

Когда самолет быстро снизился над целью, Катя Рябова сбросила бомбы. Взрыв — и одновременно с ним взметнулось пламя, вспыхнул пожар. Очевидно, рвались боеприпасы врага.

Так же быстро отойдя от цели, над которой бушевал зенитный огонь, самолет поднялся вверх. Облака под ним, озаренные пожаром, стали багровыми, точно и они вспыхнули.

Теперь нужно вернуться на свой аэродром. Это тоже не просто: долина узкая, если не точно рассчитать, где выйти из туч, можно врезаться в горы.

Вышли как раз там, где следует: расчет оказался точным.

Сели на аэродром. Надя Попова, с трудом сдерживаясь, чтобы не побояться, подошла к Бершанской нарочито размеренным, строевым шагом.

— Товарищ майор, разрешите доложить, — сказала она, откозыряв, — задание выполнено. Переправа уничтожена.

Бершанской хотелось расцеловать девушек. Она сказала:

— Объявляю благодарность экипажу.

Через несколько дней в армейской газете «Крылья Советов» была напечатана корреспонденция «Меткий удар», рассказывающая об этом полете Поповой и Рябовой.

Не только капризы погоды мешали боевым полетам над Тереком, — гораздо сильнее, чем прежде, стал огрызаться враг.

Условия войны в воздухе на этом участке к тому времени резко изменились.

На Дону и на Кубани не было стабильной линии фронта, и враг не мог там сосредоточить свои средства противовоздушной обороны. Кроме того, его прожекторы и зенитная артиллерия тогда еще не приспособились к борьбе против «По-2». Поначалу фашисты относились с высокомерным пренебрежением к маленькому фанерно-полотняному самолету, иронически называя его то «русс-фанер», то «кофейная мельница». Они дорого заплатили за свое высокомерие...

Ко времени стабилизации фронта на Тереке гитлеровцы научились очень серьезно считаться с нашими ночными бомбардировщиками, наносившими им весьма чувствительные удары. Противник научился ловить «По-2» лучами прожекторов, более действенным сделался огонь неприятельских зенитных орудий. Свои укрепленные пункты в Моздоке, Прохладной, Екатериноградской, Кизляре, Дигоре, Эльхотове фашисты до предела насытили средствами противовоздушной обороны.

Чтобы подойти к цели, нашим бомбардировщикам приходилось теперь обходить укрепленные пункты, маневрировать, заходить с тыла. Это представляло огромные трудности в условиях горной местности. Облачность, густые туманы мешали ориентировке, малейшее отклонение от курса грозило опасностью врезаться в горы.

С первых же боевых вылетов на Тереке командование полка и эскадрилий убедились в том, что здесь нельзя летать в одиночку — необходимо взаимодействие двух или даже нескольких экипажей, каждому из которых надо ставить особую задачу. Командование полка стало посылать пары и даже звенья самолетов специально на подавление зенитного огня и прожекторов противника.

Первые опыты такого взаимодействия Бершанская провела с экипажами Марины Чечневой и Надежды Поповой. Им была дана задача — сбросить бомбы на переправу противника.

Чечнева вылетала первой и направляла свой удар против зениток противника и его прожекторов. А когда вражеский огонь сосредоточивался на ее самолете, подходила Попова и бомбила переправу. Зенитки и прожекторы набрасывались на этот самолет, а тем временем возвращалась Чечнева и довершала удар.

Это был один из многих вариантов взаимодействия. Постепенно все летчики и штурманы научились взаимодействовать, вводить противника в заблуждение, точно наносить удары и в большинстве случаев уходить невредимыми. Так прививались новые навыки, вырабатывалась взаимная выручка в бою.

Лидия Свистунова, Татьяна Макарова, Ольга Ключева, Марина Чечнева, Евгений Жигуленко за разбором боевого вылета (станция Ассиновская, сентябрь 1942 года)

Здесь, на Тереке, экипажи научились взаимодействовать не только между собой, но и с наземными частями. Гвардейская стрелковая дивизия, занимавшая оборону в этом районе, хорошо почувствовала помощь легких ночных бомбардировщиков. Пехотинцы с восторгом говорили о мастерстве и отваге женщин-авиаторов, сообщали в авиаполк о результатах бомбовых ударов, выражали благодарность за боевую помощь.

Бывали случаи, когда самолеты «По-2» работали как корректировщики, непосредственно содействуя артиллеристам.

Однажды Мария Смирнова и Татьяна Сумарокова, возвращаясь с бомбардировки, стали свидетелями обстрела нашей артиллерией укрепленной точки противника. Заметив, что снаряды не долетают до цели, они низко опустились над огневыми позициями артиллеристов, выключили мотор и крикнули:

— Бейте дальше, метров на сто!

Артиллеристы слышали их.

Продолжая наблюдение, девушки заметили, что теперь снаряды перелетают. Об этом они тем же способом сообщили артиллеристам, и пушки стали бить в цель.

Но больше всего полк помогал наземным войскам тем, что бил по коммуникациям фашистов, мешая им маневрировать войсками на этом участке; подбрасывать свежие силы, взрывал склады с боеприпасами и горючим, уничтожал танки и пехоту гитлеровцев.

Девушки научились наносить чувствительный урон и противовоздушной обороне неприятеля.

Наиболее трудно давались удары по Моздоку, в то время важному узлу вражеской обороны. Фашисты сосредоточили здесь множество зенитных орудий, пулеметов, прожекторов.

Особенно опасным был один прожектор, установленный в центре города. Он мгновенно ловил самолет, который спустя некоторое время попадал в щупальца нескольких прожекторов и подвергался сильному обстрелу.

Полина Гельман, летавшая штурманом на самолете Дуси Носаль, рассказывала:

— В первый вылет мы заметили этот прожектор и решили обезвредить его. Вылетев во второй раз, увидели, что он ловит один из наших самолетов. Мы вошли в луч прожектора и стали прицеливаться в его зеркало. Одновременно с разрывами наших бомб прожектор потух, но тут же мы попали в скрещение лучей нескольких прожекторов и под сильнейший обстрел. Дуся великолепно маневрировала, но все же у меня мелькнула мысль: «Это конец, жаль, что так мало успела сделать!».

Хотя мы встречались с зенитным огнем противника еще на Дону и за плечами у нас было уже около сотни боевых вылетов, настоящее боевое крещение мы получили именно в этот раз.

Вернулись на аэродром с небольшими повреждениями, которые техники быстро исправили. А главное — ни в эту ночь, ни в последующие прожектор, отличавшийся особенной яркостью, больше не включался. Мы его уничтожили. Правда, позже нам указали на одну нашу ошибку: нам следовало заходить на цель не в луче прожектора, а с обратной стороны. Мы подверглись бы гораздо меньшему риску, а результат был бы такой же.

День ото дня оттачивая свое боевое мастерство, полк наносил врагу все более серьезный ущерб.

В районе Моздока была переправа Павлодольская, игравшая большую роль в коммуникациях противника. Эту переправу бомбили почти все экипажи женского авиационного полка.

После одного из налетов штаб наземной части сообщил: «Восхищаемся мужеством и храбростью ваших летчиц, с удовольствием наблюдали за их полетом на Павлодольскую. Переправа разбита».

Это была большая удача: разбомбить переправу — дело очень трудное и в то же время крайне важное. А за период боев на Тереке экипажи полка разбили не одну переправу.

Ира Каширина писала в своей «Поэме о полку», вспоминая ночи 1942 года:

...А сверху спокойно, и точно, и метко
Летят на них бомбы опять и опять.
А утром нам наша доносит разведка:
Фашисты устали потери считать.
И Терек седой удивлен не на шутку,
Такого он раньше в веках не видал.
Кто гадам вздохнуть не дает ни минутки?
Кто жару такого фашистам поддал?..

Краткие сообщения о результатах боевой работы полка звучали для девушек красивее самой прекрасной музыки, лучше самых чудесных песен и стихов.

Женя Руднева писала как-то друзьям: «Недавно наземные войска прислали свой отчет о нашей работе: хвалят. А знаете, как приятно, что фашисты не имеют и минуты покоя, а главное — насколько недосчитываются танков, автомашин, складов, пушечного мяса. Скорее бы все они сгнули, не портили бы воздух на белом свете!..».

Девушки делали для этого все, что могли. Ночные бомбардировщики не давали врагу покоя.

Из одной части сообщили о забавном случае. Гитлеровцы целый день готовили себе баню в доме, стоявшем на таком месте, где его, казалось бы, с воздуха достать невозможно. Они уже собирались помыться в свое удовольствие, как налетели наши летчицы и прямым попаданием разнесли дом-баню в щепки. «Горячую баню устроили девушки врагу!» — шутили пехотинцы, восторгаясь смелостью и меткостью бомбометания.

По донесениям пехотных частей стало также известно о том, что летчицы разбомбили штаб генерала фон-Клейста.

Выразительным свидетельством блестящей работы полка было крайнее озлобление против него в рядах неприятеля. Гитлеровцы возненавидели летчиц лютой ненавистью и не жалели средств, чтобы очернить и оклеветать их, даже сбрасывали свои листовки, где летчиц полка называли «летающими ведьмами».

Чем дальше, тем напряженнее и действеннее становилась боевая работа полка. Из сохранившихся летных книжек его бойцов видно, что в течение сентября—ноября 1942 года у них насчитывалось всего несколько нелетных дней.

Это были дни, когда свирепствовали метели, шли проливные дожди, отсутствовала малейшая видимость. В такую пору авиации в воздухе не было ни с нашей стороны, ни со стороны противника. Но за этими редкими исключениями полк воевал, не считаясь с погодой.

Непогожие, нелетные ночи девушки называли «ночи-минимум», полусутя проклиная немилость небес в своих боевых листках, в частушках полковых поэтов. Но зато сколько призывных, добрых и гордых слов было обращено к так называемым «ночам-максимум»!

В эти ночи полк работал с предельным напряжением сил, не теряя и минуты впустую. Для того чтобы сократить расстояние до цели, девушки летали с «подскока» — так назывался запасной аэродром, расположенный в непосредственной близости к линии фронта. Днем на «подскок» подвозили бомбы, переезжали техники, механики, вооруженцы, под вечер сюда перебирались боевые экипажи с самолетами.

Вооруженцы, механики и техники работали бригадами, чтобы обслуживать самолеты конвейером, ограничивая время их стоянки считанными минутами. Работники штаба, в свою очередь, принимали доклады экипажей, подходя к самолетам, чтобы людям не нужно было выходить из кабин.

А как торопились экипажи! Каждому хотелось скорее вылететь в новый боевой полет, нанести врагу еще один удар. Нина Худякова уже в воздухе, только идя на посадку, нетерпеливо кричала:

— Вооруженцы! — и ее звонкий голос был слышен на всем аэродроме. Так делали многие.

Вооруженцы не любили этого. Им это казалось обидным. «Что мы сами не понимаем, что ли?» — думали они. И впрямь, девушки не жалели сил, чтобы быстрее снаряжать самолеты. Маленькие их фигурки металась по летному полю. В темноте то и дело звучало: «Мой летит!». Они узнавали по звуку мотора, по манере планировать тот самолет, который обслуживали, подготавливали и выпускали в полет, и при его приближении со всех ног бросались к месту посадки.

Подвеска бомб перед боевым вылетом. У самолета — Люба Бутенко и Нина Бузина

Нетерпеливый зов летчиц обижал их. Зоя Парфенова и Дуся Пасько учили это. Они садились со своей машиной тихо, сидели в ней смирно, как бы давая тем самым понять, что совсем не беспокоятся, вполне уверены — вооруженцы, техники, механики без понуканий отлично сделают свое дело! И девушки с аэродрома, цenia такое доверие, снаряжали их машину вне очереди.

Другие экипажи сначала возмущались этим, а потом, разгадав нехитрый секрет Зои и Дуси, стали действовать так же. За какие-нибудь три—пять минут механики успевали осмотреть и заправить самолет, а вооруженцы подвесить бомбы.

Бывали такие «ночи-максимум», когда отдельные экипажи делали по пяти—шести вылетов, а полк в целом — до 80 вылетов с сумерек до рассвета, не считая перелетов с основного аэродрома на запасной.

Каждый экипаж сбрасывал за ночь на головы фашистов от 1000 до 1200 килограммов бомб, а в отдельных случаях и больше.

Некоторые экипажи загружали кабины самолетов ручными гранатами или небольшими бомбами, которые штурман сбрасывал на вражеские автомашины, если они попадались на фронтовых дорогах.

Как говорили тогда девушки, для разгрома врага следует делать все, что возможно, без остатка. Так они и стремились делать.

Победа никогда не дается легко. При такой напряженной, полной опасности боевой работе, которую полк вел на Тереке, не могло обойтись и без неудач.

Долгая осенняя ночь. Снова и снова прилетали экипажи, брали новый груз бомб — и опять в ночное небо, в бой.

Вот с полета вернулись Нина Распопова и Леля Радчикова. Они летали по треугольнику Моздок — село Троицкое — Луговская.

— Задание выполнено! — доложила Распопова командиру полка.

— Теперь вы пойдете на Моздок, — приказала Бершанская.

— Одна?

— Нет, с вами пойдет Тропаревская и еще один экипаж.

Загудели моторы, поплыла внизу земля. Вот промелькнула линия фронта. И вдруг, приближаясь к цели, девушки увидели впереди самолет Санфировой — Гашевой. Он метался в сетке лучей. Его поймали вражеские прожекторы. Санфирова резко снизилась. Лучи прожектора не выпускали ее самолета.

— Леля, — крикнула Распопова своему штурману, — идем на помощь! — и направила свой самолет на прожектор.

— Бросай!

Бомба упала, на земле появилось облачко взрыва.

Но в это мгновение они сами очутились в луче прожектора. Слепящий свет и тотчас — удар в кабину.

Нина почувствовала, что ранена. Она потрогала ноги: кости целы, но что-то жжет.

— Нина, курс! — крикнула Леля. — Ты не ранена?

Нина не отвечала. А обстрел становился сильнее. Пули ударяли в кабину. Нина почувствовала, что из бака льется бензин. Винт вращался все медленнее и вдруг совсем остановился.

— Леля, приготовь оружие! — крикнула Нина на всякий случай, направляя падающий самолет в Терек. Она решила: лучше утонуть, чем живыми попасть к врагу, сдаться фашистам.

Леля считала так же. Увидев, куда падает самолет, она сказала Нине:

— Если я плохо что делала, ты меня прости, — и добавляет потише: — я тоже ранена.

Нина сама не понимала, откуда у нее взялись силы в тот момент, чтобы резко повернуть падающую машину, у которой, как потом выяснилось, были повреждены мотор и рули управления. Ей помог, очевидно, случайный воздушный поток, подхвативший самолет. Так или иначе машина выровнялась, с перебоями вновь заработал мотор. А тут впереди сверкнули лучи нашего прожектора, и Нина взяла курс прямо на него.

Но мотор опять заглох, и самолет, перелетев через Терек, стал опускаться.

— Если сядем к фашистам — застрелимся, — сказала Нина, выжимая из самолета последние капли жизни.

— Сразу и ты и я, — ответила Леля.

Приборы не работали. Нина на глаз, чутьем определила высоту и планировала все ниже и ниже. Коснувшись земли, самолет даже не дрогнул, а сразу застыл на месте.

Нина попробовала двинуть ногой — она болит, плохо повинуется. Кругом темно и пусто. Девушки оказались на нейтральной полосе.

Неожиданно вспыхнули ракеты.

— Леля, нас ищут, — фашисты или наши?

Девушки не знали, что бойцы наших наземных частей видели, как падал самолет. Чтобы помочь летчицам, они завязали перестрелку с гитлеровцами; и врагу было уже не до собитой машины.

Когда ракеты погасли, Нина и Леля выбрались из самолета и залегли в бурьян. Что дальше делать? Бросить самолет? Жаль — ведь это их родная, любимая «пятерка».

Нина сказала:

— Иди, Леля, а я останусь.

— Ты с ума сошла, разве я тебя брошу?

Они осмотрели самолет. Снаряд прошел навывлет, разорвало нижнюю часть бензобака и осколками ранило обеих. Да, с машиной надо проститься.

Собравшись в путь, девушки сняли сапоги, полные крови. Им было

Герой Советского Союза
летчица Нина Распопова. —
Совершила 857 боевых вылетов

очень больно, но о боли они не говорили. Взявшись за руки, пошли через бурьян и вскоре оказались на дороге.

В ночной мгле сверкали выстрелы — то спереди, то сзади. Девушки шли молча, тяжело переступая кровоточащими ногами. И вдруг Леля, остановившись, воскликнула печально:

— Ниночка, а ведь я забыла в кабине шерстяные носки!..

Нина в первую минуту не поняла, о чем она говорит, а поняв, засмеялась так, что сразу стала светло на душе.

Как раз перед вылетом старушка-колхозница из станицы принесла Леле белые теплые шерстяные носки и сказала: «Еще бог весть, когда вы немцев побьете, а зима подходит, в горах холодно. Вот, доченька, тебе эти носочки и пригодятся. Сама вязала».

И вот теперь, после жестокого боя, когда кругом смертельная опасность, раненая Леля горюет об этих белых шерстяных носочках.

Сначала обидевшись, было, на подругу за ее смех, она затем присоединилась к ней. Но за носками все-таки сходила, забрала их.

Медленно побрели дальше. Нина впереди, Леля сзади. Обeim жалко друг друга до слез. Прошли через какой-то мост. Теперь они знали, что находятся в Терской долине. Захотелось лечь, да нельзя — если ляжешь, наверно, уже не поднимешься.

Вдали мигнул огонек. Чей — свой или вражеский? Обходить его уже нет сил. Девушки вынули пистолеты, чтобы живыми не сдаться врагу. И вдруг оклик:

— Стой, кто идет?

— Свои!

После коротких переговоров выяснилось, что летчицы попали в расположение одной из наших пехотных дивизий. Девушек ввели в палатку, уложили на койки. Поехали за врачом, перевязали раны.

Теперь Нину и Лелю больше всего беспокоила судьба самолета: как его спасти? Но это было невозможно. Высланные к месту посадки самокатчики уничтожили его.

Бойцы смотрели на раненых девушек восхищенно и жалостливо, трогательно опекали их. В этом месте не было хорошей питьевой воды. Бойцы раздобыли несколько недозревших арбузов, выдавили сок и дали девушкам напиться.

И вот Нина и Леля в санбате. Там вынули из ран осколки, а потом посадили девушек в машину, чтобы отвезти в тыловой госпиталь. Пехотинцы устлали всю машину шинелями.

— Поправляйтесь, дочки, на славу! — кричали они вслед.

Но девушки решили ни за что не отправляться в тыл, а вернуться в свой полк.

Санитарка, догадавшись об этом по случайно подслушанной фразе, сказала, строго поджав губы:

— И думать не смейте! Вы что — приказ нарушать вздумали, разве жизнь вам не дорога?

Нина и Леся, покраснев, ничего не ответили. Но у контрольного пункта, на перекрестке дороги, когда санитарка вышла из машины, они сбежали.

Вскоре появилась попутная машина, и они вернулись в свой полк.

Как им обрадовались! Обнимали, целовали, а кое-кто обронил слезу. Выглядели девушки очень плохо, как будто за несколько дней постарели на десяток лет. И в глазах у них была грусть: все еще переживали потерю самолета.

Бершанская их успокоила:

— Что думать о самолете — мы вам новый дадим, лишь бы сами были здоровы!

Девушек подлечили, а потом они некоторое время отдыхали у местных жителей, где их быстро поставили на ноги, и от пролетевшей бури не осталось и следа.

2

Шел только четвертый месяц с того дня, когда полк начал свою боевую работу. Но сколько волнующих событий произошло за это короткое время! Позади остались первые вылеты и первые уроки войны, суровые, жестокие. Канули в прошлое тяжелые бои на Дону, минули горькие дороги отступления, окутанные дымом и гарью.

Все пережитое еще теснее сплотило девушек.

Они часто думали о близких, о матерях и отцах, обо всем том теплом и светлом, что навсегда связано с родимым домом, и в то же время полк стал уже для них своим домом, своей семьей, бесконечно близкой и дорогой.

У них уже не было никаких тайн друг от друга. Письма от родных и друзей ходили по рукам, и каждая воспринимала слова любви и приветия, обращенные к подруге, так, словно они были адресованы и лично к ней. Впрочем, в некоторых случаях так оно и было в действительности. Мать Иры Дрягиной, например, часто писала всем девушкам полка, восхищаясь их самоотверженностью и боевым мастерством, сравнивая их с гордыми соколами, парящими в поднебесье, и горячие, безыскусные письма ее, идущие из глубины сердца, перечитывались не раз и не два.

Девушки жили своеобразной коммуной, делясь всем — и чувствами и мыслями, и милыми душе подарками. Если кто-нибудь заболел, то на помощь спешили все, принося подругам и букеты цветов и вкусные пироги с фруктовой начинкой, которыми их закармливали колхозницы-казачки. И ко-

гда наступал чей-нибудь день рождения, то «младенца», как называли таких в полку, сердечно поздравляли и командир, и комиссар, и подруги, засыпая всякими добрыми пожеланиями, часто шутивными.

Это, понятно, не мешало девушкам спорить друг с другом, сурово отчитывать на комсомольском собрании оплошавших, остроумно прохаживаться по адресу тех, кто запутался в облаках, не найдя своего аэродрома, или, увлекшись, переоценил результаты очередного боевого полета, или допустил какую-нибудь служебную промашку. В дополнение к стенгазетам и боевым листкам, регулярно выпускавшимся в эскадрильях, появился «Крокодил», с карикатурами, эпиграммами.

Катя Тимченко, вспоминая те дни, говорит:

— Все у нас умели понимать друг друга с полуслова. Все радовались успеху каждой и огорчались неудачами. У всех была одна радость и одно горе...

Полк жил дружной семьей. И, как во всякой большой семье, у каждой среди многих сестер была одна особенно любимая. Дружба всего коллектива сливалась воедино с личной сердечной дружбой девушек, скрепленной совместной боевой работой, вместе пережитыми испытаниями.

Не сразу подружились Надя Попова и Катя Рябова. Первое время они просто не ладили.

Хотя Надя и Катя — ровесницы, первая из них пришла на фронт уже опытным пилотом, с почти двухлетним стажем, а вторая только на фронте начинала свою авиационную жизнь. Естественно, что у нее бывали промахи.

Немало горьких упреков и замечаний пришлось выслушать молодому штурману от своего командира. Катя болезненно воспринимала это: и в школе и в институте она всегда была впереди.

Сгоряча она решила было просить командира полка перевести ее в другой экипаж. Но, подумав, отказалась от этой мысли: не место самолюбию, когда решается судьба Родины!

Надя не знала о том, что Катя отказалась от своего намерения работать с другим пилотом. Для нее было неожиданностью, когда в станице при объявлении приказа о распределении личного состава фамилии Поповой и Рябовой вновь прозвучали рядом. Растроганная поступком Кати, она тут же, как только прозвучало «всольно», подбежала к ней, обняла и расцеловала. С тех пор их боевое содружество стало примерным, без единой тени.

Неразлучной парой были Таня Макарова и Вера Белик. Профессиональная летчица и студентка сразу полюбили друг друга. Они были схожи характерами: обе жизнерадостные и сердечные, обе любили задумчивые лирические песни и даже в воздухе пели дуэтом, то по дороге к цели, то на обратном пути. Помогая друг другу, они быстро росли в боях, действовали все увереннее, точнее.

Женя Жигуленко (в полку ее называли Жигули), своенравная и поры-

вистая, очень подружилась с вдумчивой, спокойной Полиной Макогон. Они казались совершенно разными.

Полина с иронической улыбкой наблюдала, как Женя за минуту до полета срывала на аэродроме цветы, бережно складывая их в кабину, как она тут же ловко жонглировала веткой в руках.

Всегда подтянутая, строгая, Полина выглядела старше своих лет. Только веселые искорки в серых умных глазах выдавали ее молодость — ей шел двадцать первый год. В полк она пришла уже членом партии и сразу показала себя требовательной, принципиальной коммунисткой. Но при всей внешней несхожести их характеров они были одинаковы в главном, основном — в своей преданности Родине, в своих взглядах на жизнь. И они, как сестры, во всем помогали друг другу.

Женя была штурманом, но ей этого казалось мало. Она хотела водить самолет. С кем бы она ни летала, она просила летчицу уступить ей ручку управления хотя бы на обратном пути к аэродрому. Полина Макогон пошла навстречу ее желаниям и помогла ей овладеть искусством боевого полета.

Таня Сумарокова считала, что нет в полку лучшей летчицы, чем ее командир Маша Смирнова. А Маша, в свою очередь, ценила своего молодого штурмана. Опытная летчица, Смирнова отлично владела техникой пилотирования, одинаково спокойно, четко водила самолет и в облаках, и в тумане, и под лучами прожекторов. Таня многому научилась у нее.

Тесная дружба связывала Руфину Гашеву и Ольгу Санфирову. Дружески и сердечно относились друг к другу и все остальные летчики и штурманы.

Эскадрильи настойчиво боролись за первенство в полку. Командиры и комиссары разных эскадрилий, как и пилоты и штурманы, были друзьями. Но дружба — дружбой, а служба — службой, говорили они. Каждая эска-

Герои Советского Союза
Екатерина Рябова (слева)
и Надежда Попова

741

Авиамеханик Галина Корсун

дрилья и каждый экипаж ревниво следили за успехами друг друга, прилагая все силы, чтобы не только не отстать от боевых друзей, а, наоборот, идти впереди них. В результате выигрывал весь полк.

Неофициальное, но реально существовавшее соревнование между эскадрильями и экипажами приводило даже к некоторым конфликтам.

Эскадрилья, которая вылетала первой, успевала сделать за ночь больше боевых вылетов. Естественно, что все хотели быть первыми — и никак не иначе. А когда это не удавалось, бывали обиды. Некоторые даже ходили с жалобами то к комиссару, то к секретарю партбюро, сетуя, что их-де обижают, не дают воевать во всю силу, а они ли не заслужили этого?

Чтобы никому не было обидно, Бершанская так устанавливала очередность полетов, что все эскадрильи и экипажи поочередно первыми начинали боевые полеты.

Дружным, спаянным коллективом стали авиатехники, механики, вооруженцы. Им приходилось очень нелегко. Если летчицам и штурманам можно было спать днем, то для девушек, трудившихся на аэродроме, и день был полон забот, трудов. Иной раз они сутками непрерывно работали на аэродроме. Но как ни велика была усталость, как ни мешали ливни, ураганы, как ни бесновался враг, к ночи все самолеты находились в полной боевой готовности.

Таня Алексеева, Зина Родина, Дуся Коротченко, Катя Бройко, Мари Жуковицкая, Катя Меснянкина, Галя Корсун, Маша Щелканова и другие механики и техники научились быстро исправлять все повреждения, с которыми почти неминуемо возвращались машины на аэродром после боя. Благодаря их заботе намного удлинялась жизнь моторов — на 150—200 часов сверх положенного по техническим нормам мирного времени.

Авиамеханики вместе с вооруженцами и прибористами своим самоотверженным трудом закладывали основу всех боевых успехов полка. Им об этом говорили на каждом шагу. Они это сами чувствовали. Но им все казалось, что можно делать больше, лучше, а некоторые считали, что судьба их оби-

дела, что они призваны летать, своими руками бить врага...

Так думала, например, Оля Голубева, девушка из Сибири, к началу войны окончившая среднюю школу и добровольно, преодолев немало преград, пришедшая на фронт, в женский авиационный полк. Быстро освоив специальность мастера по электрооборудованию самолетов, она решила стать штурманом и каждую свободную минуту отдавала самостоятельной учебе, первое время скрывая это даже от подруг, «чтобы не высмеяли за самонадеянность».

Когда фронт на Тереке стабилизировался и полк на продолжительное время обосновался в станице, многие механики, техники, вооруженцы обращались к командиру полка с просьбой разрешить им переквалифицироваться на штурманов, летчиков. Бершанская охотно пошла им навстречу: были организованы курсы, где преподавали лучшие пилоты и штурманы части.

Вскоре Саша Акимова, Оля Голубева, Надя Студилина, Ася Пинчук, Люба Шевченко, Таня Масленникова сделали штурманами, а Маша Никитина — летчицей.

Сражаясь, все девушки настойчиво двигались вперед в своем авиационном мастерстве.

Наступала пора их военной зрелости.

*Штурман Екатерина Меснянкина.
Совершила 94 боевых вылета*

3

Свободное время редко выпадало девушкам той осенью. Тем больше они дорожили им. То и дело, поджидая на аэродроме, пока расступятся тучи, хоть на самую малость, чтобы появилась пусть самая крохотная «форточка» в густой облачной пелене, летчицы, штурманы углублялись в книги.

Полк обзавелся собственной библиотекой. Она была невелика, всего несколько сот томов, но среди них имелись «Как закалялась сталь», несколько

томов Максима Горького, Пушкина, Некрасова, Маяковского и ряд других всеми любимых произведений классиков и советских писателей. Их перечитывали с жадностью, воспринимая иначе, глубже и полнее, чем прежде, открывая в них новые мысли, чувства, перекликавшиеся с тем, что думалось и чувствовалось на войне.

Как никогда, полюбили в то время девушкам стихи. Редко в каком дневнике, — а дневники были почти у каждой, — не было стихотворения Константина Симонова «Жди меня», стихов Алексея Суркова, Степана Щипачева и других советских поэтов.

В ту пору в полку появился философский кружок, входящий в систему партийного просвещения. Его старостой была Женя Руднева. Самые завзятые философы полка — Женя, Саша Акимова, Катя Рябова, Полина Гельман — готовы были без конца разбирать теоретические вопросы. Начали они с обсуждения проблем, разработанных в труде Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии».

— На каждом занятии мы много спорили, — вспоминает Саша Акимова. — Иной раз все разругаемся и улетаем разругавшись. А потом, отлетав, выполнив боевые задания, собираемся в столовой и опять начинаем спорить...

И в то же время они успевали хорошо повеселиться в скупые минуты отдыха. То бежали гурьбой купаться — осень выдалась на редкость теплая, то вдруг начинались танцы, и девушки носились в лихой русской пляске, в стремительном, мелодичном гопаке. А песни лились бесконечно, — и старые, народные, и новые, рожденные войной.

Часто к кружку девушек, распевających подле самолетов или в тени кудрявых яблонь, присоединялась командир полка Бершанская, а затем заместитель командира по летной и политической части Рачкевич, секретарь партбюро Рунт. Люди старшего поколения, они жили одной жизнью с молодежью.

Но что бы ни делали девушки, мысли их неизменно возвращались к одному — к войне. Снова и снова они вспоминали подробности минувших боев, говорили о боях предстоящих. И какие жаркие споры вспыхивали порой тут же, на лужайке, где, казалось, в воздухе еще дрожала мелодия народной песни «Летят гуси» или полюбившейся всем фронтовой песни «Давай закурим».

— Надо было заходить сбоку, с фланга, — убеждала одна.

— Чтобы с головой нырнуть в прожекторы, да? — возражала другая. — Ты же там не была, обстановки не знаешь!

— Ах, простите, моя дорогая, — летело в ответ, — я и забыла, что воюете вы одна, а мы только так, кружева в небе плетем...

Одно время среди девушек кипели споры о прицельном бомбометании, его методах, перспективах. Они совместно разрабатывали всевозможные приспособления для более эффективного использования прицелов, старались на основе своего опыта создать новые приемы прицельного бомбометания с «По-2».

А техников и вооруженцев волновали другие проблемы, ставшие перед ними в ходе повседневной боевой работы. Имея в своей среде таких опытных, знающих свое дело командиров, как Озеркова, Стрелкова, Алексеева, Илюшина, Коротченко и Гогина, они самостоятельно разрешили немало сложных технических задач. Мысль их вновь и вновь возвращалась к тому, как ускорить и улучшить ремонт самолетов в полевых условиях, продлить летную работу машин, безошибочно подвешивать бомбы в полной темноте.

Вчерашние новички в авиации, они теперь уверенно, как профессионалы, разбирались и в вопросах ее боевого применения и в проблемах ее техники.

К этому времени они уже называли себя «солдатской косточкой», глубоко прониклись воинским духом. Это сказывалось во всем — и малом и большом.

Им стала привычной фронтовая одежда. «Ты жалеешь, что я не взяла туфель и спрашиваешь, в чем же я хожу, — писала Женя Руднева матери летом 1942 года. — Все в тех же сапожках 41-го размера, что и раньше. Но ты не беспокойся, за восемь с половиной месяцев я уже так к ним привыкла, что не замечаю их тяжести. Тем более, что весной мы надевали на меховые унты калоши — вот это была тяжесть! Однажды я в них пробегала (все время, кроме ночи) двое суток, так что после этого сапоги показались мне балетными тапочками».

Они хорошо усвоили воинские порядки, до конца поняв их высокую разумность и совершенную обязательность.

Ира Капирина писала в те дни:

...В семье нашей дружной есть строгий порядок,
Приказ командира — священный закон,
Хоть жизни ценой, а выполнить надо,
Как бы ни опасен, ни сложен был он.

Штурман Любовь Шевченко.
Совершила сотни боевых вылетов

Да и могло ли быть иначе, если строжайшая дисциплина и нерушимая организованность раскрылись перед ними в боях, как основа успеха, желез-

ный закон победы! Девушки стали гордиться исполнительностью, умением четко отрапортовать командиру и быстро, точно выполнить любой приказ.

Они даже щеголяли этим, радуясь молчаливому одобрению в глазах Евдокии Бершанской, сдержанность и волю которой особенно ценили после ряда тяжелых испытаний. То, что командир полка никогда ни на кого не повышала голоса, то, что требовательность ее была неотделима от справедливости, девушки воспринимали как дорогое, ко многому обязывающее доверие к себе со стороны старшего товарища, несравненно более опытного, знающего, много перевидавшего и пережившего.

И самое главное — все они, закалившись в испытаниях, научились, не сгибаясь, переносить любые невзгоды, сохранять присутствие духа в самый критический момент, уверенно и смело смотреть в лицо любой опасности.

4

Солнце лишь клонилось к закату, а первый самолет уже покинул аэродром, направляясь на «подскок».

Предстоял довольно длинный и не совсем приятный путь: фашистские истребители до наступления темноты носились в воздухе, подкарауливая маленькие «По-2», причинявшие фашистам немало бед. Правда, стоило подождать час — и опасность нападения в воздухе миновала бы. Но тогда и боевые вылеты начались бы на час позже. А с этим девушки не хотели примириться.

И вот «По-2» летит над леском. Напротив штурмана колени в колени сидит прибористка Вера Бондаренко. Обе они напряженно всматриваются вдаль, чтобы заблаговременно увидеть опасность, предупредить пилота.

Погода неважная. Сильный встречный ветер бросает машину из стороны в сторону. Летчица напрягает все силы, упорно борясь с воздушными потоками. На какое-то мгновение самолет застыл на месте, потом его бросило книзу, потом — вверх.

В это время Вера заметила на горизонте крохотную точку, которая стремительно приближалась.

Она сказала об этом штурману.

— «Мессер», — определил тот, узнав в набухающей точке гитлеровский истребитель «Мессершмитт».

Сказали пилоту, она дала газ до предела.

Но разве уйдешь на «По-2» от мощного, быстроходного истребителя! А сесть некуда. Слева и справа — горы, внизу — лес, в котором гитлеровцы.

«По-2» продолжал свой путь на запад. Лица девушек будто окаменели. Уже потом, когда все кончилось, Вера почувствовала, что сжимает своей рукой руку подруги — штурмана.

Сбоку приближался «Мессершмитт». Еще минута — и он откроет огонь...

Но эта минута не наступила: между «По-2» и «Мессершмиттом» вдруг вынырнул советский истребитель. «По-2» рванулся в сторону. Сзади донеслась трескотня пулеметов. Закипел воздушный бой.

Спустя полчаса, когда три девушки уже были на аэродроме, к ним подошел рослый летчик в шлеме, сдвинутом на затылок.

— Так это вы воевали с «Мессером!» — спросил он, улыбаясь. И, положив руку на плечо маленькой Веры, ростом ему по грудь, сказал от души: — Ну и молодцы же вы, мои хорошие!

А на следующий день, как и в другие дни боевой работы с этого «подскока», Вера и ее подруги снова, не дожидаясь темноты, летели той же дорогой: разве можно упустить хоть минуту ночного времени, боевого времени!

Смертельная опасность угрожала девушкам не только в скрещении прожекторных лучей и разрывах зенитных снарядов — за ними охотились, правда, тщетно, фашистские истребители, их аэродром старались выследить и уничтожить фашистские бомбардировщики.

Но они продолжали выполнять свой долг спокойно, уверенно, не отступая перед опасностью, не страшась ее, а смело идя ей навстречу, раз того требовали интересы борьбы, священные интересы матери-Родины. И в этом они не видели ровно ничего особенного, считая, что иначе и не может быть, так действовал бы на их месте любой советский человек.

У некоторых девушек из полка были свои причуды. То они боялись мышей. А то им вдруг становилось неуютно от собачьего лая в темноте, окутавшей улицы. Они могли вздрогнуть от раската грома или при неожиданном блеске молнии. Но когда кругом гремели и сверкали разрывы снарядов, самообладание ни на мгновение не изменяло ни одной из них. Девушек вовсе не пугало то, что в каждом полете они смотрят прямо в глаза смерти. И не потому, что они считали себя неуязвимыми, а потому, что дело, за которое они сражались, было для них дороже всего на свете.

Вера в торжество нашего правого дела, воля к победе нашего народа придавали им несгибаемую силу духа, такое мужество, перед которым в большинстве случаев отступала смерть: именно отвага и решительность действий обеспечивали успех молодых авиаторов в самых трудных боях.

Валя Пустовойтенко, в ту пору 20-летний штурман, уже стяжавший доброе имя в десятках сложных боевых полетов, рассказывала впоследствии:

— Когда теперь вспоминаешь военные годы, частенько спрашивают: а не страшно ли было летать? Трудно ответить на этот вопрос. Конечно, когда попадаешь в лучи прожекторов и не знаешь, куда вести самолет, так как потеряла и землю и небо; когда плоскости самолета превращаются в клочья тряпок, а в полу кабины появляются дыры с рваными краями; когда

Техник Вера Бондаренко

тяжелые испытания отличало всех девушек-авиаторов, сражавшихся в рядах женского авиационного полка.

Такими их вырастила Родина, воспитали Коммунистическая партия и комсомол.

до линии фронта еще остается много километров, а мотор перестает работать или барахлит, — конечно, тогда становилось страшно... Но совсем ненадолго. Ведь все в тебе устремлено к одному — победить! Ведь знаешь, что ты советский человек, комсомолка, что ты не одна, за тобой несметная сила, — и такая злость поднимается, если враг тебя царапнет, такое упрямство, что все ни почем!

И добавила, немного помедлив:

— Да, для страха просто не оставалось времени в воздухе, и по-настоящему он ощущался уже на земле, после того, как все оставалось позади. Когда сядешь, отрапортуешь да вдруг вспомнишь все, как было, — иной раз так и хотелось уткнуться лицом в грудь Бершанской, в грудь подруги и дать волю слезам, — хотелось, а через минуту становилось стыдно за это, а потом смешно, а потом весело, просто весело на душе!

Умение владеть собой перед лицом смертельной опасности, переносить, не дрогнув, любые, самые

5

Этот полет оказался на редкость трудным.

Невысоко над землей сгрудились облака, и чем ближе к цели, тем плотнее они были. Яростный ветер швырял самолет, сбивая скорость. И, самое главное, еще на подступах к железнодорожной станции самолет Чечневой — Ключевой наткнулся на стену зенитного огня.

Зенитки падали непрерывно, так, что багровые разрывы, молниеносно сменяя друг друга, словно висели в воздухе, не потухая.

«Кажется, прорваться было невозможно, — вспоминает штурман Оля Ключева. — Но в эту минуту была только одна мысль: прорваться, во что бы то ни стало прорваться, разгромить эшелоны фашистов!

Я говорю Марине:

— С тыла, обойдем их с тыла!

Обошли — и опять попали в букет прожекторов, под зенитный огонь. Но враг опоздал на какие-то минуты. Мы уже прорвались к цели. Марина убирает газ, даю команду держать курс, буду целиться... Сбросила бомбы и смотрю — пламя! Стало быть, все в порядке, цель накрыта. Взглянула на прибор — высота 300 метров.

А фашистские зенитки просто захлебываются от ярости. Да все зря, пожар светит нам вслед, горят цистерны, рвутся боеприпасы... Прилетели на аэродром, докладываю командиру полка:

— Боевой приказ выполнен, возник большой пожар.

А товарищ майор, наша Евдокия Давыдовна Бершанская, выслушав рапорт, жмет мне руку:

— Поздравляю, еще раз поздравляю.

В этот день меня приняли в партию, и перед вылетом я сказала майору, что на такое великое доверие ко мне отвечу самыми эффективными боевыми полетами».

Но не только в этот день, особенно запомнившийся Ключевой, а всегда, на всем протяжении войны мысль о партии вдохновляла ее в полетах, непоколебимая вера в партию и беззаветная любовь к ней умножала ее силы. И так было со всеми.

За время боев девушки еще более сблизились, сроднились с Коммунистической партией. Недаром они называли свою полковую партийную организацию душой полка.

Каждая из них чувствовала на себе благотворное влияние, направляющую руку партийной организации. Не было таких сторон жизни полка, таких вопросов боевой работы, которые оставались бы за полем зрения партийной организации. На ее собраниях обсуждалось все, от чего зависели успех боевых полетов, рост и совершенствование летчиц, штурманов, механиков, техников, вооруженцев. С полковой партийной трибуны решительно и остро раскрывались малейшие недостатки, так или иначе мешающие работе.

Мария Ивановна Рунт рассказывает, вспоминая фронтовую жизнь:

«Наши коммунисты шли на партсобрания и внутренние и внешне подтянутыми, как будто каждый готовился к отчету о своей работе, учебе, поведении в быту, а беспартийные следовали примеру коммунистов, выполнявших решения партийных собраний. Авторитет партийной организации был непрекращаем».

Чутко прислушивались девушки к голосу представителей партии в армии — политработников, которые своим личным примером и заботливым от-

*Штурман Валентина Пустовойтенко.
Совершила 300 боевых вылетов*

ношением к людям неустанно развивали и закаляли в молодых войнах-патриотках драгоценные качества героев, мастеров побед.

В политико-воспитательной работе среди девушек деятельно участвовали и старшие партийные товарищи, работники политотдела дивизии. Ветеранам полка запомнились, например, многие беседы и доклады бригадного комиссара, ныне генерал-майора Горбунова, в ту пору комиссара дивизии.

Полина Гельман вспоминает:

«Глядя на вас, вашу кипучую работу, становишься молодым. Хочется жить и жить!» — так начал свой первый доклад в нашем полку комиссар Горбунов. Просто и хорошо он рассказывал нам о жизни и борьбе нашей армии и всего советского народа. Два часа мы, затаив дыхание, слушали своего комиссара, а когда он кончил говорить, не хотели уходить.

Это было осенью 1942 года.

С тех пор каждая из нас много раз встречалась с Горбуновым и на собраниях, и на старте, и в простой обстановке общегития, на стоянках самолетов. И всегда после его беседы как-то все становилось простым и понятным, хотелось его слушать и учиться, так же как он, мыслить, жить и бороться.

Мы любили комиссара за чуткое отношение к каждой из нас, за то, что он нас учил быть настоящими людьми, настоящими коммунистами, уметь смотреть вперед.

В трудные дни боев на Северном Кавказе наш комиссар говорил нам, что недалек день, когда мы двинемся вперед, и действительно этот день настал».

— Как в Сталинграде? — таков был их первый и неизменный вопрос к политработникам.

Вернувшись с боевых полетов, не чувствуя под собой ног от усталости, они не ложились спать, покуда не узнавали очередной сводки Совинформбюро о положении на фронтах и прежде всего в Сталинграде.

Это был тот период второй мировой войны, когда Сталинград привлекал к себе внимание всего человечества. Русский город на Волге, превращенный Коммунистической партией в неприступную крепость, стал символом величия советского народа, надеждой народов, угнетенных фашизмом.

Для того чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить по ней, как предполагало гитлеровское командование, нужно было прежде всего овладеть важнейшим стратегическим пунктом на юге — городом Сталинградом. Фашисты рассчитывали, что им это легко удастся. Упоенные своим численным превосходством в живой силе, авиации и танках, летом 1942 года они даже установили точный срок взятия Сталинграда: 25 июля. Но защитники волжской твердыни встали насмерть на своих боевых рубежах.

Советское командование поставило задачу — в оборонительных боях измотать силы неприятеля, перемолоть его ударные дивизии и боевую технику, а затем перейти в решительное контрнаступление, сокрушить и разгромить вражеские силы в районе Сталинграда. И задача эта была решена победоносно.

А в тот период, о котором идет речь, на подступах к Сталинграду и в районе самого города шли ожесточенные бои. Сначала, затормозив продвижение гитлеровских полчищ на юге, а затем, остановив врага, советские воины наносили ему невосполнимый урон. Разрушенный город превратился в поле невиданной битвы. Бои шли за каждый дом. Оборона знаменитого «Дома Павлова», названного так по имени советского воина, защищавшего его, длилась 58 дней. Гитлеровцы так и не смогли взять «Дом Павлова», преграждавший им путь к берегу Волги. В Сталинграде было много таких домов-крепостей.

Вести из города-героя словно умножали силы девушек-авиаторов. Затаив дыхание, они слушали рассказы о том, как защищают Сталинград их товарищи по оружию, летчики самолетов «По-2». Зная, что для них это особенно важно и интересно, комиссар Горбунов в своих беседах в полку

Штурман Ольга Ключева.

Совершила 565 боевых вылетов

особенно подробно останавливался на действиях «По-2» в сталинградской обороне.

Легкие ночные бомбардировщики бомбили по ночам не только кварталы, занятые врагом, но и отдельные дома, где засели фашисты. Некоторые из них умудрялись забрасывать гранаты в окна квартир с фашистскими пулеметами.

«Вот у кого надо учиться, — думали девушки, узнавая об этом, — вот какого мастерства мы должны добиться!».

И они еще настойчивее совершенствовались в летном деле, множили свои боевые успехи.

6

Однажды ночью на аэродроме, после того как экипажи обеих эскадрилий, вернувшись из боевых полетов, один за другим доложили, что задание выполнено, цели поражены, Бершанская полуплутя сказала командиру дивизии:

— Ну как, товарищ генерал, довольны вы теперь нами?

Командир дивизии, к тому времени ставший генералом, развел руками:

— Вы беспощадны, товарищ майор! Кто старое вспомнит...

Да, ему действительно не хотелось теперь вспоминать, как он был огорчен совсем не так давно прибытием в дивизию женского полка, с каким чувством тревоги принял этот необычный полк под свое командование, в глубине души никак не ожидая от него добра. А теперь полк — гордость дивизии, крепкая и боевая единица, верная опора командования.

Конечно, это произошло не само собой. Сказалось и то, что штаб авиадивизии непрерывно руководил боевой и учебной работой полка, направлял и контролировал ее, помогал исправлять недочеты.

Еще в период отступления представители дивизии появлялись в полку в самые критические моменты, помогая организовать оборону от воздушных налетов противника, перебазироваться на новые площадки. Работники штаба дивизии часто присутствовали на старте. Вот и сегодня командир дивизии прилетел сюда, чтобы лично проверить ход выполнения важного боевого задания.

Но то же самое командование дивизии, ее штаб делали и по отношению к другим своим полкам, не оказывая никаких преимуществ «хозяйству Бершанской». А «хозяйство» это особенно выделялось, — и чем дальше, тем больше, — своей слаженностью, дружной боевой работой, быстрым ростом молодых кадров, серьезными боевыми успехами...

По достоинству оценив заслуги полка, командование дивизии затребовало материалы для награждения лучших представителей личного состава правительственными наградами.

В полковом штабе этот запрос вызвал немалое смущение, а кое-кому показался просто недоразумением. И командир полка Евдокия Бершанская, и работники штаба считали, что полк как боевая единица еще слишком молод, что он еще мало сделал для того, чтобы его люди, даже лучшие, удостоились высоких правительственных наград.

В дивизии, однако, были другого мнения. Там помнили, как самоотверженно дрался полк в тяжелый период отступления, как стойко он перенес все невзгоды и лишения того периода, когда девушки не боялись летать днем и ночью на невооруженных самолетах над объатыми пожарами станциями, атаковать вражеские зенитки и переправы, войска.

В штабе дивизии восторгались неутомимой боевой работой женского полка на Тереке. Из донесений наземных частей знали, что ночные налеты экипажей полка Бершанской на укрепленную линию противника от Дигоры до Моздока терроризируют фашистов, изматывают их, наносят им огромный урон. В дивизии учитывали разбитые женскими экипажами переправы на Тереке, разбомбленные поезда, взорванные склады с горючим и боеприпасами.

Спустя четыре месяца после прибытия полка на фронт генерал-майор Попов считал его лучшим в своей дивизии, а многих его воинов — достойными правительственных наград.

С большим волнением Е. Д. Бершанская подписала первые наградные документы. Вскоре пришел ответ из штаба дивизии, что весь материал без замечаний отправлен по инстанциям.

Тем временем назрело другое радостное событие.

Поздно вечером 11 сентября, когда Женя Руднева сидела в кабине самолета, поджидая улучшения погоды, она вдруг услышала, как дежурная по старту громко объявила:

— Весь состав на КП!

Самолеты стояли далеко, и Женя, вылезая из кабины, крикнула подружкам:

— Все на КП!

Летчица Клава Рыжкова.

Совершила 478 боевых вылетов

Тут прозвучало:

— Старшина Руднева, ко мне!

Подбегая, Женя отрапортовала дежурному:

— Старшина Руднева по вашему приказанию явилась.

А в ответ:

— Товарищ старшина, поздравляю вас с присвоением звания младшего лейтенанта!

Вскоре на лужайке, подле командного пункта, перед строем был зачитан приказ о присвоении новых званий личному составу полка. Тут же при тусклом свете фонаря девушки стали надевать новые знаки различия.

На следующий день все, обращаясь друг к другу, обязательно называли новые воинские звания, первые для большинства из них офицерские звания.

А спустя два дня, в ночь с 13 на 14 сентября, после двух вылетов полеты были внезапно прекращены.

Все недоумевали, погода стояла отличная — только летать да летать! Недоумение сменилось радостью. Приказом по фронту многих наградили орденами, приказ тут же был зачитан перед строем...

— На машины!

И тут же девушки с еще большим воодушевлением снова пошли в полет. В этот день все сделали по пяти боевых вылетов.

Пятнадцатого сентября каждая из награжденных получила личное поздравительное письмо от политотдела дивизии.

«...Восхищаемся и гордимся Вашей героической боевой работой, Вашей воинской доблестью, высоким мастерством воздушного бойца, — говорилось в письме. — Тонны бомб, метко сбрасываемых Вами на головы озверелых врагов нашей Родины, фашистов, несут разрушение и уничтожение в их ряды, приближают день нашей окончательной победы.

Высокая правительственная награда пусть еще больше воодушевляет Вас на новые боевые подвиги, во славу нашей Родины. Пусть фашистские бандиты еще и еще много раз убедятся, что рука женщины-бойца твердо и беспощадно громит врага, когда эту руку направляет горячее сердце советской патриотки.

Желаем Вам сил, здоровья и еще больших успехов в Вашей славной боевой работе».

Это поздравление было особенно дорого девушкам потому, что они слышали в нем голос родной и любимой Коммунистической партии. Письмо политотдела все отослали домой, наказав хранить и беречь его.

Двадцать седьмого сентября состоялось вручение орденов.

Весь день в полку готовились к этому большому празднику. Небольшой зал клуба украсили цветами и коврами. Комиссар полка Евдокия Рачкевич беседовала с каждой девушкой, объясняла, как подходить к вручающему награду, как себя держать, как отвечать на поздравление.

В назначенный час клуб был переполнен. На большом столе, покрытом красной скатертью, поблескивали ордена и медали.

Правительственные награды в тот день получили: командир полка Бершанская, командиры эскадрилий старший лейтенант Амосова и лейтенант Никулина, заместитель командира эскадрильи младший лейтенант Смирнова; летчицы-командиры звеньев Макогон, Носаль, Парфенова, Пискарева, Чечнева; штурманы Руднева, Белик, Гельман, Аронова, Пасько, Ключева и Розанова; из технического персонала — инженер Стрелкова, старшие авиатехники Алексеева и Коротченко, техники Калинкина, Титова, вооруженцы Шерстнева, Бузина и Хорошилова.

— Служу Советскому Союзу! — снова и снова звучало в зале горячо и радостно.

Подруги окружали награжденных, поздравляли, подносили им цветы.

В тот день Женя Руднева писала родным:

«Ну, вот и вы, наконец, дожили до большой радости: 1) мне 11.9 присвоили звание младшего лейтенанта и 2) самое главное — 13.9, ровно в 11 месяцев моего пребывания в армии, меня наградили орденом «Красная Звезда».

Я рада за вас, мои дорогие, что теперь у вас дочь-орденоносец. Для меня орден — не завершение работы, как это принято считать, а лишь стимул к дальнейшей упорной борьбе. Теперь я буду летать еще лучше!..».

Вскоре боевые успехи Евгении Рудневой получили еще одну высокую оценку: она была назначена штурманом полка. Одновременно Серафима Амосова стала заместителем командира полка по летной части.

7

«...Осень противная, дожди, все у нас грязные, мокрые, но ничего, работаем, как всегда, — скорее бы раздавить фашистскую гадину!..» — писала Женя Жигуленко подруге в октябре 1942 года.

И тут же в конверте небольшая заметка из армейской газеты, теперь уже пожелтевшая от времени.

Скромный заголовок: «Напряженная работа». Под ним — другой, пожирнее: «Рекордное число самолето-вылетов». А текст гласит:

«С каждым днем усиливает свои удары по врагу подразделение, которым командует т. Бершанская. Каждую ночь непрерывно совершают свои боевые рейсы экипажи бомбардировщиков, неся смерть немецко-фашистским оккупантам.

Девиз командира, девиз каждого летчика, штурмана, техника и оружейника — больше боевых вылетов! Работать на полную боевую мощь!

В эту ночь подразделение совершило рекордное количество самолето-вылетов. Все экипажи сделали по пяти боевых вылетов, а т. Амосова —

*Герой Советского Союза
летчица Евдокия Носаль.
Совершила 354 боевых вылета*

шесть вылетов. Во вражеском стане, который непрерывно подвергался бомбежке ночников, возникло 15 крупных пожаров и много взрывов.

Особенно отличились в эту ночь экипажи тт. Макогон, Жигуленко, Никулиной и другие, добившиеся хороших результатов бомбометания».

А следующая ночь принесла новые боевые успехи.

Но глухой осенней порой бывало и так, что густые туманы, спускавшиеся с Кавказского хребта, белой пеленой застилали долину. Все же и в такие туманные ночи полк находился на аэродроме в полной боевой готовности, экипажи сидели в самолетах, бомбы были подвешены: а вдруг погода изменится, туман рассеется — что тогда? Поднимать полк по боевой тревоге? Но это значит потерять тридцать минут драгоценного времени, а за полчаса можно выпустить все экипажи на боевое задание! Бершанская

умела ценить время, вести счет минутам, и этим немало способствовала тому, что полк за ночь делал больше вылетов, чем соседние полки.

В густом и сыром мраке девушки коротали часы под крыльями самолетов. За последние недели все так привыкли жить на аэродроме, спать под плоскостями или в кабинах самолетов, что, оставшись однажды ночевать дома, в постели, Зоя Парфенова жаловалась на утро подругам:

— Всю ночь не могла уснуть, не чувствовала под локтем борта самолета!

Туманной ночью штурман Нина Ульяненко и летчица Дуся Носаль, дежуря подле своей машины, вели неторопливый, дружеский разговор. На днях, летая вместе, они подожгли склад с боеприпасами, и мысли их нет-нет да возвращались к этому радостному событию: как прорвались сквозь огонь, как обманули прожектористов, как зарево пожара долго освещало небо за линией фронта, когда они улетали от цели.

— Повезло нам тогда с тобой, Нина! — говорила Дуся. — Да и мне повезло, что я с тобой летаю. Хорошая ты девушка, смелая, сердечная. Не думала я, что у вас на севере есть такие...

— Спасибо на добром слове. Но зачем обижать наш север? — ответила Нина.

— Мне кажется, что все там не-приветливое, холодное, мало солнца, цветов...

— Конечно, Удмуртия — это не твоя солнечная Украина, но и у нас немало своей прелести!

— Да в чем?

— Как это в чем? А наши дремучие леса, зеркальные озера, ясные-ясные, тихие-тихие. Вспоминаю наш городок — огромный пруд, ночью похожий на озеро, речка за железнодорожным мостом, зеленые лужайки, на которых впервые увидела самолет...

— А где ты летать училась?

— Да у нас же, в Воткинске, в аэроклубе.

— Так у вас и аэроклуб есть!

— Да где у нас в Советском Союзе нет аэроклубов! Вот Нина Распопова, она в тайге родилась, в тайге выросла, а стала летчиком!

— Кто это меня поминает? — раздался в темноте голос Распоповой.

— Легка на помине! Иди сюда, Ниночка, подсаживайся. Где ты была?

— В кабине. Сидела вот, да и задумалась...

— О чем же?

— Да о том, как сильно в человеке чувство родины! Стоит мне остаться одной, в тишине, закрыть глаза, и снова я в нашей дальневосточной тайге. И словно наяву слышу ее несмолкающий гул, вижу столетние кедр, высокие лиственницы, густой бурелом, таежные речки с темной студеной водой...

— Хорошо, наверное, у вас, на Дальнем Востоке! — от души воскликнула Дуся.

А Нина Ульяненко полюбопытствовала:

— После войны ты вернешься в тайгу?

— После войны!.. Да война только начинается, — вздохнув, ответила Нина Распопова. — Подумать только, куда их, проклятых, занесло — до самых Кавказских гор. Теперь их надо разбить, погнать обратно, освободить всю нашу советскую землю. Вот о чем теперь надо думать...

— И не только думать, — подхватила Дуся, — бить, бить их надо — так, чтобы и следа от них не осталось!

И девушки, не сговариваясь, поднялись и, быстро ступая по вязкому,

Герой Советского Союза летчица

Нина Ульяненко.

Совершила 800 боевых вылетов

хлюпающему под ногами полю, направились на КП, чтобы узнать, как с погодой, не предвидется ли просвет, скоро ли опять в бой.

В эти дни в Сталинграде 62-я армия под командованием генерала Чуйкова с ее прославленными дивизиями генералов Родимцева, Гуртьева, Людникова и других в напряженных боях перемалывала вражеские полчища. Одновременно в районе Сталинграда сосредоточивались крупные силы советских войск, ждавших только приказа о переходе в решительное наступление.

Враг еще был очень силен, но советские люди знали, что Коммунистическая партия уверенно ведет народ к торжеству нашего правого дела. Безраздельно сплоченные вокруг партии, миллионы советских патриотов своей самоотверженной борьбой против фашистских захватчиков все более приближали светлый час нашей победы.

С мыслью о том, что будет и на нашей улице праздник, встречали девушки 25-ю годовщину Октябрьской революции.

Утром 7 ноября начальник штаба построила полк в длинном коридоре и только собралась зачитать перед строем приказы, как вошли командующий Закавказским фронтом генерал армии Тюленев, генералы Вершинин, Науменко, Попов.

После кратких выступлений генералов Науменко и Попова слово взял командующий фронтом. Он поздравил полк с 25-летием Великой Октябрьской социалистической революции и сообщил, что под Гизелем на Закавказском фронте началось наше наступление. Этого еще не было в сводках. Весть была настолько радостной, что строй полка дрогнул и девушки зааплодировали, совсем не по-военному.

Затем командующий медленно прошел вдоль строя, внимательно всматриваясь в обмундирование девушек, особенно в сапоги — большие, неуклюжие, с сильно загнутыми кверху носками. Обмундирование не понравилось ему. Но он ничего не сказал, тепло попрощался с полком, пожелал новых успехов в боевой работе и уехал.

На следующий день был объявлен приказ командующего фронтом: десять старшин и сержантов, авиатехников и авиамехаников награждались медалью «За отвагу», десятерым были подарены часы.

А через несколько дней в полк приехал портной, снял со всех мерки. Девушки узнали, что для них готовят новую повседневную форму: синие шерстяные юбки и шерстяные коричневые гимнастерки. Сапоги тоже будут новые, по мерке.

Но это было позже, а в этот день, 7 ноября, и без таких приятных новостей в полку было весело.

Подготовленный к Октябрьской годовщине первый смотр художественной самодеятельности полка прошел с большим успехом. Валя Ступина и Рая Маздринна, работники штаба, спели «Давай закурим» и другие фронтовые песенки. Техник по электрооборудованию Ольга Голубева мастерски

прочла монолог Липочки из комедии Островского «Свои люди — сочтемся». Она и платье себе смастерила театральное в стиле эпохи; врач Жуковская только за голову хватилась, узнав, сколько марли истребила Оля. Лейтенант Дина Никулина и старшина Рая Аронова исполнили народные песни. Вооруженец Вера Маменко лихо сплясала «Русскую». Была прочитана «Поэма о полку», написанная авиамехаником Ирой Кашириной. Были исполнены народные пляски «Лявониха», «Калинка» и много других номеров.

Все от души удивлялись, что девушки успели подготовить концерт.

Наступил декабрь. Четыре месяца боев на Тереке измотали гитлеровские дивизии — они не продвинулись вперед ни на шаг. В то же время советские войска Закавказского фронта окрепли, накопили силы, подготовились к переходу в наступление. Женский полк также нанес врагу немалый урон, закалился и окреп, приобрел боевой опыт и при этом не потерпел никакого урона в личном составе.

В боях под Терекон девушки-авиаторы стали закаленными бойцами, наносили чувствительные удары врагу, оказывали существенную помощь наземным частям.

С гордостью восприняли они и навсегда запомнили обращенные к ним на одном из полковых партийных собраний той осени слова генерала Вершинина: «Вы — самые красивые девушки в мире, потому что высшая красота заключается в том простом душевном порыве, с которым вы ведете борьбу за счастье и свободу нашей Родины».

И это было так. Конечно, летчицам приходилось нелегко, но трудности и опасности, преграждающие путь к победе, не печалили, а закаляли их.

В ноябрьские дни Женя Руднева писала в своем дневнике:

«...Глупая мысль, совсем парадокс, пришла мне в голову: ведь сейчас война, кругом столько ужаса и крови, а у меня, наверное, сейчас самое счастливое время в жизни. Во всяком случае жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием, так мне кажется».

